21.432.1
К-14

На правах рукописи

Казыдуб Надежда Николаевна

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ)

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Иркутск – 2006

БИБЛИОТЕКА
ИГЛУ

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Иркутский государственный лингвистический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор Каплуненко Александр Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Кобрина Новелла Александровна
доктор филологических наук,
профессор Малинович Юрий Марцельевич
доктор филологических наук,
профессор Прошина Зоя Григорьевна

Ведущая организация: Московский государственный лингвистический
унив

Защита состоится 20 фе
диссертационного совета Д 21
степени доктора наук в Иркутс
по адресу: 664025, Иркутск, ул

С диссертацией мож
государственного лингвистиче

Автореферат разослан «20» я

Ученый секретарь
диссертационного совета

5767

Реферируемая диссертация посвящена исследованию содержательного наполнения языковой картины мира. В диссертации ставится и решается проблема моделирования языкового образа мира на основе включения в его содержание дискурсивной составляющей.

Актуальность настоящего исследования обусловливается интересом современного языкознания к проблемам структурной организации, содержательной характеризации и типологической спецификации языкового образа мира. Рассмотрение языковой картины мира как высокодинамичной, сложноструктурированной, эволюционирующей системы детерминируется онтологией языкового существования и развития и обосновывает интегративный формат проводимого изыскания. Моделирование языковой картины мира в аспекте ее событийной оформленности отражает современные тенденции в развитии лингвистической науки: изучение диалектической организации языковой картины мира, введение коммуникативного измерения в языковую реальность, признание антропоцентрической природы языковой категоризации и концептуализации.

В рамках теоретического осмысления языковой картины мира дифференцируются следующие подходы:

- **лингвофилософский;**
- **лингвокогнитивный;**
- **лингвокультурологический;**
- **лингвосемантический;**
- **лингвопрагматический;**
- **психолингвистический;**
- **социолингвистический.**

Разнообразие методологических форматов и подходов к исследованию языковой картины мира свидетельствует о структурной сложности и содержательной объемности данного феномена. На этом основании адекватным диалектической сущности языковой картины мира следует считать теоретическое моделирование ее конститутивного наполнения в интегративном формате аспектирующих подходов и концепций. Методологическая ценность комплексного осмысления языковой картины мира обеспечивается взаимосоизмерением вклада разноуровневых категорий и разностатусных механизмов в лингвистическое конструирование реальности.

Объектом исследования является англоязычная картина мира – прототипический образ англоязычных со-культур, совокупность языковых единиц и речевых стратегий, вербализующих смысловые значимости англоязычного сознания.

Предмет исследования – дискурсивное пространство в аспекте его национально-специфической категоризации.

Цель диссертации состоит в том, чтобы разработать концептуальные основы моделирования языковой картины мира в ее событийном аспекте. В частнометодологическом плане исследование имеет целью определить и аналитически описать лингвистические механизмы, транслирующие национальное видение мира по типу интегрированного семантико-дискурсивного пространства.

В рамках реализации поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- теоретическое обоснование дискурсивного пространства как фрагмента языковой картины мира;
- определение методологических инструментов, выявляющих конститутивное наполнение языковой картины мира;
- рассмотрение содержательной специфики суб-систем, составляющих языковой образ мира;
- изучение культурологического своеобразия англоязычной лингвистической репрезентации посредством сопоставления транскультурной и этнокультурной интерпретации;
- выявление функциональной нагруженности дискурсивного пространства как событийного формата языковой картины мира;
- моделирование дискурсивного пространства по типу интегративной системы, категориальная и функциональная идентичность которой поддерживается динамическим взаимодействием структурирующих систем, и по типу эволюционирующей системы, образуемой историко-парадигмальными механизмами и процессами;
- изучение особенностей англоязычного оформления дискурсивных реализаций на примере анализа дискурсивного пространства «PLANNING».

Теоретическая значимость работы.

Результаты исследования углубляют и расширяют представление о языковой картине мира, дополняя существующие концепции спецификациями системообразующих механизмов с учетом их разностатусной представленности.

Разработка концептуальных основ моделирования дискурсивного пространства посредством интеграции ряда исследовательских подходов формирует методологический инструментарий, который может использоваться для интегративного описания языковой картины мира и создания лингвистических моделей, репрезентирующих национальное мировидение.

Параметрические характеристики и диагностические инструменты типологизации функционального, жанрового и стилевого разнообразия когнитивно-дискурсивного сценария, выявленные и проанализированные в диссертации, являются основой дальнейшего совершенствования научных методов исследования дискурса.

Наконец, эпистемологические принципы и приемы интегративного описания фрагмента языковой картины мира в динамике его синхронного функционирования и исторического развития позволяют уточнить известное положение Э. Косериу о единстве исторического и актуального компонентов в эволюции языка.

Таким образом, в результате исследования решается важная проблема современной лингвистической науки.

Научная новизна работы.

Впервые обосновывается статус дискурсивного пространства как фрагмента языковой картины мира исходя из диалектики человеческого слова, которое и фиксирует, и коммуницирует знание, оформляя интерсубъективные форматы переживания человеческого опыта.

Новым является теоретическое осмысление языковой картины мира как интегрированного семантико-дискурсивного пространства, порождаемого диалектическим взаимодействием системных значений слов и системных операторов, регламентирующих параметры событийной реализации языковой системы.

Впервые разработана интегративная модель дискурсивного пространства на основе идентификации ряда измерений, теоретически осмыслена и эмпирически подтверждена комплексная динамика дискурсивного пространства в аспекте его категориального оснащения и функционального развертывания с учетом этно-социо- и личностно обусловленных факторов порождения речи.

Впервые создана эволюционная модель дискурсивного пространства, смоделированы лингвистические механизмы, регулирующие эволюционное развитие рассматриваемого феномена и специфику его оформления в условиях определенного культурно-исторического сценария.

Новым является подход к исследованию англоязычной картины мира с позиции определения вклада разностатусных лингвистических механизмов в лингвистическое конструирование реальности.

Методологической базой научного изыскания послужили исследования в области когнитивной лингвистики, лингвистической философии, лингвистической семантики, лингвистической прагматики, лингвокультурологии, психолингвистики, антропологической лингвистики, теории текста, теории дискурса, теории коммуникации.

Методологическим принципом настоящего исследования является интегрированное описание разноуровневых лингвистических механизмов с учетом их вклада в событийную репрезентацию языковой реальности.

Методы исследования определяются многогранностью рассматриваемой проблематики. Комплексность методики исследования обеспечивается комбинированием дедуктивного и индуктивного методов при анализе эмпирического материала и разработке теоретических положений диссертации, а также использованием методов контекстуального, компонентного и интерпретативного анализа.

Материал обусловлен целями данного научного изыскания и многофакторным подходом к лингвистическому анализу. С одной стороны, это – концепции и теории, рассматривающие специфику планирования в различных областях знания, а с другой стороны, – языковые факты. Проанализирован корпус словарных дефиниций, фрагменты дискурса, принадлежащие различным жанрам: политическому, экономическому, научному, художественному, медицинскому, рекламному. Общий объем проанализированного материала – 28 тыс. страниц.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Теоретическое моделирование языкового образа мира определяется онтологическими характеристиками концептуальной триады: картина мира – языковая картина мира – национальная языковая картина мира. Репрезентируя основные форматы, в которых осуществляется социо- и лингвокреативная деятельность человеческого сознания, вышеозначенная триада семиологически опознаваема, исторически и культурологически

мотивирована и маркирована, диалектически синтезирована, феноменологически переживаема и функционально специализирована.

2. Картина мира синтезируется на основе сопряжения разностатусных феноменов: сознания и бытия, рефлексии и конструкции, субъекта и объекта. Это – структурное образование, отражающее диалектическую организацию человеческого опыта. Картина мира обладает когнитивно-дискурсивной онтологией, ибо она одновременно отображает реальный мир и конструирует его посредством аналитико-синтетической деятельности человеческого сознания.
3. Языковая картина мира формируется диалектическим взаимодействием двух типов пространства – семантического, репрезентируемого системными значениями слов, и дискурсивного, представленного системными операторами, оформляющими типы социального взаимодействия. Инкорпорируя наиболее значимые константы социального взаимодействия в виде типизированных дискурсивных реализаций, дискурсивное пространство включается в языковую картину мира на правах ее фрагмента.
4. Англоязычная картина мира – результат национально-специфической категоризации и концептуализации. Она являет собой прототипический образ мира, конструируемый коллективным сознанием англоязычных со-культур. Основные признаки англоязычной картины мира преломляются через призму прототипических ценностей и находят свое выражение в системе прототипических номинаций, иллокуций и дискурсивных стратегий.
5. В качестве фрагмента языковой картины мира дискурсивное пространство представляет собой системный оператор, выполняющий пять функций: объективирующую, категоризирующую, синтезирующую, координирующую, атрибутивную. Системообразующая роль дискурсивного пространства обусловливается его категориальной значимостью с точки зрения лингвистической репрезентации констант социального взаимодействия – стратегических приемов и принципов, организующих речевое поведение языковой личности и регулирующих интерсубъективное переживание смыслового разнообразия реального мира.
6. Теоретическое моделирование дискурсивного пространства основывается на признании его многомерности и многоуровневости, что сообразуется с многогранностью социальной деятельности. Многомерная организация дискурсивного пространства проявляется в том, что оно содержит параметрические характеристики ряда систем: культурологической, психологической, структурно-организованной, семиологической, типологической, исторической. Культурологическая составляющая позиционирует дискурсивное пространство в качестве фрагмента культурного универсума на основе определения компонентов прототипического сценария. В психологической версии дискурсивное пространство представлено прототипической языковой личностью, экспонируемой посредством личностных индексов и личностных смыслов. Семиологическим образом дискурсивного пространства является прототипическая пропозиция – инвариант актуальных пропозиций-

высказываний. Структурное представление дискурсивного пространства имеет вид интегрированной презентации, включающей ряд конститутивных пространств. Типологическая организация дискурсивного пространства детерминируется кластерным сочетанием критериальных характеристик, оформляющихся в качестве типологем – диагностических инструментов спецификации дискурсивных жанров.

7. Дискурсивное пространство «PLANNING» представляет собой универсальную коммуникативную систему, функционирование которой осуществляется посредством активации базовой дискурсивной матрицы, репрезентирующей креативно-проспективную деятельность человеческого сознания. Дискурсивная матрица планирования лежит в основе конструирования пространства социального взаимодействия, содержанием которого является проспективная организация человеческого бытия.
8. Дискурсивное пространство «PLANNING» являет собой многомерную и многоуровневую систему. К основным измерениям относятся культурологическое, психологическое, семиологическое, структурное, типологическое и эволюционное. Аспектирующая презентация исследуемого фрагмента англоязычной картины мира отражает вклад разностатусных лингвистических механизмов в оформление целеориентированной деятельности.
9. Прототипический сценарий планирования переживается англоязычным социумом в идеологической версии рационалистической парадигмы. На этом основании статус диагностирующих имеют номинации, объективирующие пошаговое развертывание деятельности. Этнокультурная специфика планирования приобретает критериальную значимость с точки зрения организации языковой картины мира, ибо иерархическая структура деятельности должна быть отражена в значениях всех языковых репрезентантов креативно-проспективного развертывания события.
10. Эволюция дискурсивного пространства производна от эволюции базового концепта, представленного в виде эволюционного семиотического ряда. Специфика историко-культурного осмысления базового концепта детерминируется параметрами исторического развития национального менталитета. Эволюционная динамика дискурсивного пространства фундирована историческими системными связями и парадигматическими скрепами и осуществляется по типу обогащения исходной дискурсивной матрицы исторически прогрессивными смыслами.

Практическая значимость работы.

Результаты настоящего исследования способствуют дальнейшей разработке общих и частных проблем теории коммуникации, теории дискурса, аксиологической и антропологической лингвистики. Основные теоретические положения и выводы могут найти применение в курсах межкультурной коммуникации, интерпретации текста, общего языкознания, лингвистической типологии, спецкурсах по лингвистической семантике и прагматике. Методика анализа дискурсивного пространства может помочь в решении задач других монографических

исследований, а также при подготовке студентами лингвистических университетов и филологических факультетов дипломных и курсовых работ.

Апробация работы.

Концептуальные положения диссертационной работы освещались в докладах на международных, Всероссийских и региональных научных конференциях (Иркутск, 1992-2006; Москва, 2003), на втором Сибирском лингвистическом семинаре руководителей научных проектов и школ «Методология лингвистических исследований в России» (Новосибирск, 2006), в материалах Всероссийской научно-методической конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2003), научно-практической конференции «Современные проблемы взаимодействия языков и культур» (Благовещенск, 2003), региональной научной конференции «Единство системного и функционального анализа языковых единиц» (Белгород, 2003), международной научной конференции «Концепт и культура» (Кемерово, 2003), международной конференции «Стилистика и теория языковой коммуникации», посвященной 100-летию со дня рождения И.Р. Гальперина (Москва, 2005), научного методического семинара «Германистика в России. Традиции и перспективы» (Новосибирск, 2004), Всероссийской научно-практической конференции «Взаимодействие направлений в современной лингвистике», посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Московского педагогического государственного университета Марка Яковлевича Блоха (Барнаул, 2005), в докладах на Региональном научном семинаре «Проблемы систематики языка и речевой деятельности» (Иркутск, 2005, 2006 гг.), заседаниях кафедры теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета (2005, 2006 гг.), заседании научно-методологического семинара в Иркутском государственном лингвистическом университете (2006 г.).

Основные положения диссертационного исследования изложены в 39 публикациях общим объемом 30,3 п.л., включая монографию, учебно-методическое пособие и 37 статей и тезисов докладов. Основные научные результаты диссертации представлены в пяти статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях.

Теоретические положения и выводы диссертационного исследования были также апробированы автором при проведении лекционных и семинарских занятий по теории межкультурной коммуникации, чтении курса специализации «Аксиологическая теория языка» и лекционного курса для слушателей ФПК, при руководстве дипломными и курсовыми работами студентов.

Объем и структура диссертации.

Работа состоит из введения, двух частей, включающих четыре главы, и заключения. Библиографический список включает 355 наименований, из них 102 – на иностранных языках. Также имеются список словарей (28 наименований) и список источников примеров (47 наименований). Диссертация содержит 5 рисунков.

Во *введении* определяется объект исследования, обосновываются актуальность и научная новизна работы, формулируются ее основные задачи, называются основные исследовательские методы и излагаются теоретические положения,

выносимые на защиту, указываются области практического применения полученных результатов, а также определяются объем и структура диссертации.

В *первой главе* освещаются вопросы, связанные с характеризацией концептуальной триады: картина мира – языковая картина мира – национальная языковая картина мира, полагаемой в основу настоящего исследования, анализируются исследовательские подходы к изучению картины мира, обосновывается ее диалектическая сущность, которая проявляется как взаимодействие когнитивных и дискурсивных феноменов в ее структурной организации и реальном функционировании, рассматривается категориальное наполнение языковой картины мира и англоязычной картины мира.

Во *второй главе* формулируются концептуальные основы моделирования дискурсивного пространства. Исходя из многомерности рассматриваемой сущности, оформляются составляющие научного поиска: культурологическая, психологическая, семиологическая, типологическая, структурологическая и эволюционная. Теоретическое осмысление вышеозначенных составляющих основывается на идентификации системообразующих параметров дискурсивного пространства с точки зрения их вклада в идеологическую и структурную организацию социального взаимодействия.

В *третьей главе* представлена интегративная модель дискурсивного пространства «PLANNING». Анализируются теоретические концепции, посвященные рассмотрению базовых категорий исследуемого явления – дискурса и пространства, содержательно характеризуются культурологическое, психологическое, семиологическое, типологическое измерения дискурсивной репрезентации планирования в англоязычной культуре. Предлагается транскультурная и этнокультурная интерпретация дискурсивного пространства «PLANNING» по типу дифференциации универсальных и идиоэтнических смысловых компонентов, выявляются ипостаси человека планирующего как этно-социо-психолингвистической категории, анализируется структурная организация исследуемой социальной деятельности, характеризуется роль аксиологических механизмов в оформлении англоязычной картины планирования, на основе определения критериальных значимостей дифференцируются типологические форматы планирования.

В *четвертой главе* предлагается эволюционная модель дискурсивного пространства.

В *заключении* в обобщенной форме излагаются результаты проведенного исследования.

Содержание работы

Проблема определения языковой картины мира и ее категориальной спецификации включает ряд аспектов, а именно:

- соотношение глобального образа мира (картины мира) и языковой картины мира, объективирующей этот глобальный образ мира в зависимости от особенностей лингвокультурологической рецепции и рефлексии;
- позиционирование языковой картины мира в ряду сопряженных сущностей – разнообразных (специфических) картин мира, дифференцируемых исследователями в различных областях знания;

– определение статутных и параметрических характеристик языковой картины мира, обеспечивающих ее функционирование в качестве операционального механизма, назначение которого состоит в фиксации, конструировании и трансляции универсального (транскультурного) и этнокультурного видения мира.

Методолого-теоретический каркас настоящего исследования формируется концептуальной триадой: картина мира – языковая картина мира – национальная языковая картина мира. Данная триада отображает и моделирует основные парадигмы, в рамках которых конструируются и актуализируются системы когнитивной и лингвистической репрезентации человеком окружающего мира. Обозначенные выше парадигмы инкорпорируют образ и язык как базовые модусы репрезентации объективной и субъективной реальности, транслируют культурологические и лингвистические императивы, регулирующие социо- и лингвокреативную деятельность человеческого сознания в условиях конкретного лингвокультурного социума, детерминируют системные характеристики прототипической языковой личности – носителя прототипического языкового сознания и прототипического речевого поведения.

Будучи фундаментальным понятием, объединяющим наиболее значимые контексты взаимодействия человеческого сознания и социальной среды, картина мира регулярно становится объектом научной рефлексии (Леонтьев 1983; Серебренников 1988; Колшанский 1990; Витгенштейн 1994; Касавин 1999; Корнилов 1999; Душков 2002; Панарин 2002 и др.).

В рамках современной научно-теоретической парадигмы картина мира осмысливается в трех основных ракурсах: а) как (глобальный) образ мира; б) как инструмент познания; в) как теоретический конструкт-модель.

Отмечая вторичность картины мира по отношению к реальному миру, исследователи неоднозначно интерпретируют сущность психоментальных процессов, лежащих в основе взаимодействия человеческого сознания и объективного мира, вследствие чего оформляются два подхода к определению картины мира: **рефлективный** и **конструктивный**. В соответствии с первым подходом картина мира есть отражение реального мира в виде образа или модели (Колшанский 1990; Витгенштейн 1994; Залевская 2001). Однако известна и альтернативная риторика: «Сознание человека не **только отражает** мир, но и **творит** его» (Ленин 1980: 194; выделено нами – Н.К.). Сбалансированной представляется точка зрения, согласно которой принципом, организующим образ мира по типу динамической системы, признается диалектическое взаимодействие рефлексии и конструкции.

Убеждение в том, что рефлексия и конструкция находятся в диалектической взаимосвязи, поддерживается выводами о механизмах формирования и функционирования картины мира, которая рассматривается как результат взаимодействия двух начал – перцептивного и рационального (Леонтьев 1983; Кравченко 1992). Нетрудно заключить, что перцептивное симметрично рефлексивному, а рациональное – конструктивному. Сведение же сложного процесса динамики картины мира к ассоциативно-перцептивным процессам едва ли можно оправдать, памятуя о диалектическом характере этой сущности. Аналогично

получается с противопоставлением перцептивного рациональному: последнее далеко не исчерпывает потенциального объема конструктивного. В любой культуре наряду с рациональными активно действуют иррациональные категории. Это – следствие диалектики Логоса и Мифа, лежащей в основе культуры и, соответственно, картины мира.

Спецификация картины мира относительно области концептуализируемой действительности служит основанием для дифференциации специализированных картин мира: этнической, физической, ценностной и т.п. Таким образом, картина мира допускает единично-множественную интерпретацию: как целостный образ и как континуум образов, варьирующихся посредством профилирования того или иного модуса концептуализации реального и возможного миров и соотносимого с этим модусом типа знания.

Естественным следствием полимодусности картины мира становится ее полифункциональность: образ мира выполняет разнообразные функции, суммировать которые можно в следующем виде:

(1) **репрезентирующая функция:** картина мира отражает (с различной степенью достоверности) объективную и субъективную реальность;

(2) **когерирующая функция:** картина мира интегрирует архетипический, актуальный и виртуальный (синтетический) коллективный и индивидуальный опыт в единую ассоциативную сеть;

(3) **генерирующая функция:** картина мира продуцирует новое знание в результате взаимодействия актуального опыта и ситуативного тезауруса личности;

(4) **моделирующая функция:** образ мира моделирует процессы социального взаимодействия и личность, участвующую в этих процессах;

(5) **коммуницирующая функция:** взаимодействие партнеров по коммуникации основывается на взаимодействии их картин мира. Итогом такого взаимодействия становится коррекция картин мира взаимодействующих субъектов, которая осуществляется либо по типу приращения видения путем инкорпорирования в индивидуальную картину мира новых элементов, либо по типу модификации конфигураций знаний при мене морально-нравственных и ценностных приоритетов.

Принятое в современной лингвистической литературе разграничение концептуальной и языковой картин мира (Роль человеческого фактора в языке 1988; Серебренников 1988; Корнилов 1999; Мечковская 1998; Языки как образ мира 2003) дифференцирует два модуса репрезентации окружающего мира: а) в виде когнитивных структур и б) в виде языковых номинаций. Б. А. Серебренников, комментируя соотношение этих двух картин мира, отмечает, что языковая картина мира выполняет две функции: 1) означивание основных элементов концептуальной картины мира и 2) экспликацию средствами языка концептуальной картины мира (Серебренников 1988). Выполнение этих функций детерминировано особенностями национально-специфической категоризации и концептуализации: язык объективирует и моделирует культурологически маркированное мировидение.

Установлено, что информация о мире заложена, прежде всего, в системных значениях слов, что служит основанием для интерпретации языковой картины мира

в терминах семантического пространства (Кормилов 1999; Попова, Стернин 2001; Переверзев 2001; Урысон 2003). Вместе с тем представляется важным учитывать диалектическую сущность человеческого слова, которое наряду с категоризирующей выполняет и коммуницирующую функцию. Определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности (Кубрякова 2004), помещает языковую картину мира в область взаимодействия двух систем: **когниции и коммуникации.** Соответственно, теоретическое моделирование языковой картины мира с необходимостью осуществляется с применением инструментария когнитивно-дискурсивной методологии, объединяющей два формата представления знаний в языке: структурный и событийный. Последний служит методологическим обоснованием для включения в содержательное наполнение языковой картины мира **дискурсивного пространства**, конституируемого оперативными образами социального взаимодействия. В качестве фрагмента языковой картины мира дискурсивное пространство являет собой **системный оператор**, выполняющий ряд функций, как-то:

а) **объективирующую функцию**: дискурсивное пространство объективирует категориальные контексты социального взаимодействия;

б) **категоризирующую функцию**: дискурсивное пространство категоризирует лингвистические репрезентации интерсубъективной деятельности на основе идентификации онтологических характеристик интерсубъективно переживаемого фрагмента реального мира;

в) **синтезирующую функцию**: дискурсивное пространство синтезирует оперативный образ социального взаимодействия посредством активации разноуровневых и разностатусных оперативных механизмов, оформляющих содержательную структуру социальной деятельности;

г) **координирующую функцию**: дискурсивное пространство координирует соизмерение структурной и событийной организации и репрезентации знания в контексте историко-культурной ситуации;

д) **атрибутивную функцию**: дискурсивное пространство атрибутирует оперативным образам социального взаимодействия уникальные значимости, приобретающие статус диагностических механизмов социальной активности языковой личности.

Теоретическое моделирование дискурсивного пространства исходит из признания многосистемной организации рассматриваемого феномена: дискурсивное пространство содержит параметрические характеристики таких систем, как:

а) **культурологическая система**, конституируемая культурологическими значениями, сценариями и фреймами;

б) **психологическая система**, образуемая психологическими свойствами языковой личности и психологическими механизмами смыслоформирования и смыслоформулирования;

в) **структурно-организованная система**, формируемая посредством актуализационного взаимодействия разноуровневых структурных механизмов, оформляющих внутри- и межсистемные структурные связи и зависимости;

г) **семиологическая система**, регулирование которой осуществляется семиологическими механизмами модификации, насыщения и тропизации;

д) **типологическая система**, создаваемая диверсифицируемым представлением дискурсивных реализаций, осмысливаемых в терминах типологических суб-систем;

е) **историческая система**, эволюционное развитие которой обеспечивается динамикой исторических процессов, конгруэнтных этапам развития лингвокультурного социума.

Многомерная организация дискурсивного пространства обусловливает его моделирование в интегративном формате, учитывающем несколько измерений: культурологическое, психологическое, структурное, семиологическое, типологическое и эволюционное. Следуя заявленному принципу, представляется оправданным осуществлять моделирование дискурсивного пространства в терминах системообразующих значимостей-составляющих.

Культурологическая составляющая оформляет дискурсивное пространство в качестве фрагмента культурного универсума, дифференцируемого на основе определения компонентов прототипического сценария, который ассоциируется с базовым модусом человеческой деятельности, транслирует социально-валидное знание, является инструментом культурной адаптации и инкультурации и симметрично переживается представителями национальной культуры.

Культурный сценарий не может быть адекватно охарактеризован без обращения к таким категориальным характеристикам социального взаимодействия, как прототипическая языковая личность, прототипические номинации и прототипические ценности.

Прототипическая языковая личность – обобщенный образ представителя лингвокультурного социума, осуществляющего свою речемыслительную и речеповеденческую деятельность в условиях данного социума. Культурообразующий потенциал прототипической языковой личности определяется ее вкладом в типологическое оформление культурного универсума.

Прототипическая языковая личность является носителем прототипического языкового сознания и прототипического речевого поведения. Прототипическое языковое сознание находит свое выражение в способах исторически и культурологически мотивированной и маркированной языковой категоризации и концептуализации. Национально-специфические акценты осмысления человеческого бытия объективируются сетью культурообразующих номинаций, приобретая тем самым статус диагностически ценных и типологически релевантных эпистемических, этических и эстетических категорий.

Критериями для обоснования статуса прототипической номинации могут выступать следующие факторы:

– принцип **культурологической разработанности**;

– принцип **культурологической рекуррентности:** культурная значимость прототипического концепта подтверждается процедурой установления частотности употребления объективирующей его номинации;

– принцип **культурологической топикализации:** прототипическая номинация должна репрезентировать тематическую область, обладающую значимостью с точки зрения:

- идентификации той или иной лингвокультуры;

- сопоставления этой культуры с другими лингвокультурами в целях выявления концептуальных и лингвистических интегративных и дифференциальных механизмов;

– принцип **культурологической спецификации:** прототипическая номинация должна специфицировать определенный фрагмент культурного универсума в отношении маркированности его вариативных реализаций;

– принцип **культурологической преференции:** прототипическая номинация объективирует прототипическую ценность в качестве аксиологической преференции данного лингвокультурного сообщества. Прототипическая номинация и прототипическая ценность представляют собой взаимодетерминирующие сущности – прототипическая номинация, с одной стороны, диагностирует прототипическую ценность, а с другой стороны, – оформляется на основе идентификации прототипической ценности.

Прототипическая ценность а) **симптоматична**: она характеризует социум в плане его аксиологических преференций; б) **подобна** директивной иллокуции, оформляющей дискурсивное пространство по типу гомеостатической системы; в) **стереотипна**. Представление прототипической ценности как конфигуративного сочетания аксиологических смыслов дает возможность выявить ее статутные признаки, а именно:

а) **системную обусловленность,** которая подтверждается смысловыми взаимопересечениями на внутрисистемном уровне;

б) **семиологическую значимость,** обосновываемую высокой степенью лингвистической разработанности прототипической ценности: она снабжена широким спектром языковых номинаций, объективирующих конститутивные и ассоциируемые смыслы;

в) **смысловую емкость,** вследствие чего прототипическая номинация оформляется по типу семантической матрицы.

Психологическая составляющая основывается на теоретическом осмыслении языковой личности как этно-социо-психолингвистической категории, экспонируемой посредством личностных индексов: этнического, социального, интеллектуального, интенционального, языкового, речевого и личностных смыслов, порождаемых диалектическим взаимодействием индивидуального сознания и социальной среды.

Личностные смыслы актуализируются системой деятельностных механизмов: а) когнитивных; б) семантических; в) прагматических.

Когнитивные механизмы производны от основополагающей антиномии **рефлективного и конструктивного**, заявленной в качестве спорного идеологического принципа настоящего исследования. Производным от первого является **механизм рефлексии**, соотносящей опыт индивидуума с актуальной ситуацией речевого взаимодействия. Производным от второго следует признать **механизм интерпретации**, детерминирующей параметры изменения реального и возможного мира.

Семантический механизм представлен **семантической репрезентацией,** а прагматический – **прагматической интерпретацией**. Прагматика предполагает

решение проблемы и со стороны говорящего (планирование), и со стороны слушающего (интерпретация как эвристический анализ).

Участие деятельностных механизмов в порождении и интерпретации личностных смыслов оформляет различные форматы актуализации этих смыслов на основе профилирования их составляющих: рациональной, эмоциональной, архетипически обоснованной. Следует обратить внимание на то, что составляющие личностных смыслов либо частично, либо полностью противополагаются друг другу. Так, рациональная организация полностью противоположна эмоциональному переживанию, а последнее частично противоположно архетипическому опыту. Это – причина стрессов, когнитивных диссонансов и аналогичных состояний личности, которые далеко не всегда связаны с рассогласованием личного и общественного, феноменологического и структурного.

Семиологическая составляющая дискурсивного пространства конституируется смыслопорождающими механизмами, функционирующими на уровне целого дискурса и определенных его фрагментов.

Семиологическое оформление дискурсивного пространства осуществляется исходя из определения **прототипической пропозиции**, которая лежит в основе порождения дискурса и служит инструментом его идентификации. Диагностическая ценность этой пропозиции детерминируется ее соотнесенностью с прототипическим сценарием социального взаимодействия. Прототипическая пропозиция актуализируется в статусе макроструктуры. Она мыслится относительно последовательности пропозиций, из которой выводится посредством макроправил опущения, обобщения и построения (ван Дейк 1989). Эта пропозиция профилирует семиологически опознаваемый смысл, активируя систему семиологических ожиданий, находящих свое выражение в определенном способе фреймирования дискурсивного пространства, и оформляет инвариантные отношения в условиях релятивно развертывающейся деятельности. Прототипическая пропозиция модулируется параметрами актуальной ситуации и реализуется вариативно в зависимости от содержания продуцируемого дискурса.

Актуальное смыслообразование осуществляется в режиме взаимодействия лексического и грамматического, коннотативного и денотативного, пропозиционного и пресуппозиционного значений.

Дискурсивное пространство образует многомерную структуру, инкорпорирующую ряд взаимодействующих пространств, что согласуется с концепцией дискурса как полимодусного феномена. Будучи динамической структурой, дискурсивное пространство предопределяется динамическими параметрами структурного соответствия и соотношения составляющих его сущностей. По этой причине моделирование рассматриваемого феномена осуществляется в терминах интегрированного пространства, ассимилирующего такие конститутивные пространства, как концептуальное, категориальное, стратегическое, ценностное и номинативное.

Структурная организация дискурсивного пространства регулируется рядом принципов, регламентирующих взаимопроявленность и взаимодействие его компонентов. Это –

1) **принцип системности** – дискурсивное пространство являет собой гомеостатическую систему, идентичность которой поддерживается системными корреляциями и реляциями, действующими на внутри- и межсистемном уровнях;

2) **принцип когнитивного равновесия** – дискурсивное пространство экзистирует посредством взаимодействия противоположностей – механизмов дифференциации и интеграции. Специфика когнитивного равновесия состоит в обогащении целого на основе расширения спектра вариативных реализаций системных характеристик;

3) **принцип конгруэнтности** – в целях обеспечения динамического структурного соотношения элементов, конституирующих дискурсивное пространство, селекция этих элементов осуществляется исходя из их конгруэнтности структурному и идеологическому рисунку речевого события;

4) **принцип релятивности** – дискурсивное пространство развертывается путем линеаризации пропозиций и релятивизировано относительно адресанта, адресата и ситуации речевого взаимодействия;

5) **принцип конфигуративноти** – конфигуративность дискурсивного пространства проистекает из его диалектической природы и предполагает неоднородность этого пространства, координированную раздельность составляющих его суб-пространств и множественность его актуальных образов-конфигураций.

Концептуализация того или иного фрагмента культурного универсума включает, как правило, два типа ментальных сущностей: концепт, репрезентирующий этот фрагмент как целостное образование (дискретный объект) в совокупности его прототипических и маргинальных характеристик, и ряд (сеть) концептов, отображающих отдельные элементы, конституирующие данный дискретный объект. Во втором случае фрагмент культурного универсума осмысливается как континуум. Условием существования и становления такого континуума является концептуальная интеграция – оперативный механизм, интегрирующий концептивные элементы, принадлежащие различным областям знания. Тем самым разграничиваются **концепт** как оперативная структура мышления и концептуальное пространство как область аффилиации оперативных структур мышления, в совокупности своей обеспечивающих отражение и конструирование сложных модусов человеческой деятельности.

Структурирование концептуального пространства предопределяется параметрами национально-специфической рефлексии: полимодусная деятельность человеческого сознания специфически осмысливается в различных лингвокультурах. Структура такого пространства обязательно этнически маркирована, в связи с чем представляется принципиально важным выбор имен концептов, образующих эту структуру.

Категориальное пространство дискурса порождается и оформляется на основе динамического взаимодействия разноуровневых категорий – понятийных, семантических, грамматических, прагматических и т.д. Форматируя информацию в условиях релятивно развертывающегося дискурса, эти категории конструируют и экспликируют возможные миры взаимодействующих субъектов, моделируют систему речевых актов и речевых событий и формируют языковую сеть,

выступающую условием ориентирующей и моделирующей деятельности человеческого сознания. Категориальная полифония дискурсивного пространства отражает дифференцированное многообразие дискурса реального мира, который включает ряд множеств, как-то: 1) типизированные ситуации социального взаимодействия; 2) участники социального взаимодействия; 3) социальные нормы и конвенции; 4) архетипические образы и представления; 5) культурные значения и формы и т.п.

Вместе с тем представляется справданным дифференцировать категории, активируемые в процессе порождения речевого события, в зависимости от их вклада в формирование глобальной когерентности дискурса. Статус системообразующих приобретают категории адресанта и адресата и категория интенциональности, которая очерчивает область взаимодействия коммуникантов. Именно здесь происходит взаимопересечение индивидуальных (этнически маркированных) картин мира, предопределяющее «коэффициент взаимопонимания» в конкретной коммуникативной ситуации. Обозначенные выше категории отражают специфику категориального мышления и категориального поведения языковой личности в условиях речевого взаимодействия и детерминируют категориальное наполнение дискурса.

Ценностное пространство формируется набором ценностей, осмысливаемых в терминах аксиологем. Есть основание говорить об иллокутивной предназначенности аксиологем, ибо аксиологические смыслы неизбежно оказываются инструментом иллокутивного воздействия. Активация аксиологемы в сознании адресата согласовывает его дискурсивную концепцию с концепцией адресанта и служит интерсубъективным базисом коммуникации.

Интерсубъективное переживание аксиологемы с необходимостью ставит проблему соизмеримости концептуализирующих систем интерактантов. Опознание аксиологемы не равнозначно ее признанию, причем девиационный диапазон может варьироваться от ее полной приемлемости или неприемлемости до частично модифицированного осмысления. То, что является ценностью для одного индивидуума, может трактоваться по-иному его собеседником. Поэтому исключительную значимость приобретает выбор языковой номинации, объективирующей ту или иную ценность: из альтернирующих способов обозначения аксиологического смысла выбирается идеологически приемлемый вариант.

Стратегическое пространство предстаблено совокупностью дискурсивных стратегий, используемых языковой личностью в целях достижения определенного перлокутивного эффекта. Стратегия как способ решения проблемы предполагает сопоставление намерения и условий его реализации, сводимых к условиям искренности в теории речевых актов.

Селекция дискурсообразующей стратегии производится адресантом исходя из культурного сценария, предписывающего определенные стандарты социального взаимодействия, области социального взаимодействия, ценности, разделяемой участниками этого взаимодействия, авторской программы воздействия на адресата и специфики решаемой проблемы.

Номинативное пространство включает сеть языковых номинаций, характеризующих дискурсивное пространство в смысле его типологической определенности. В рамках исследуемого пространства объединяются разноуровневые номинативные единицы в соответствии с их функциональной специализированностью.

Объективируя тот или иной фрагмент культурного универсума, языковые номинации образуют конфигурации – ассоциированные (ассоциативные) поля, содержащие альтернативные именования одного и того же участка реального или возможного мира, вследствие чего имеет место вариативность оформления пространства социального взаимодействия.

Номинации могут быть классифицированы с точки зрения их диагностирующей ценности, степени ассоциируемости с базовым концептом и приоритетности при конструировании дискурса. В соответствии с этими параметрами предлагается различать **ключевые** и **ассоциируемые** номинации. Первые являются категориальными обозначениями типизированных дискурсивных реализаций, именуют базовые концепты и представляют собой наиболее рекуррентный способ обозначения данного пространства. Ассоциируемые номинации онтологически не принадлежат соответствующему пространству, они переносятся туда из других онтологических миров по принципу их функциональной эквивалентности ключевой номинации и конгруэнтности содержанию продуцируемого дискурса.

Типологическая составляющая приписывает дискурсивному пространству статус типологической системы, конститутивное наполнение и дифференцированное внутреннее единство которой предопределяется кластерным сочетанием критериальных параметров: 1) дискурсивной концепции адресанта; 2) дискурсивной концепции адресата; 3) ключевой дискурсивной стратегии; 4) доминирующей иллокуции; 5) сети диагностирующих номинаций.

На основе обозначенных выше параметров мы разграничиваем следующие типы дискурсивного пространства: декларации, дескрипции, наррации, прескрипции и интеракции. Декларации форматируются исходя из намерения адресанта, эксплицируемого в терминах миссии, т.е. стратегической роли и стратегических целей. Основная иллокутивная цель – убедить адресата в том, что результирующее состояние есть ценность, и эта ценность конгруэнтна его идеологической парадигме. Основная иллокуция – комиссив. Эта иллокуция оформляет декларацию как мотивирующее пространство, активируя в сознании адресата систему мотивирующих факторов. Сопутствующими иллокуциями являются ассертивы. Статус ключевых приобретают стратегии аргументации и апелляции к культурообразующим ценностным категориям. Сеть ключевых номинаций включает достаточно широкий диапазон интенциональных глаголов, обозначающих желание, намерение, решение, готовность и попытку совершить действие.

Смысл описания (дескрипции) заключается в том, чтобы представить некоторое положение вещей в объективном мире. По этой причине дескрипции конституируются, главным образом, ассертивами, целевое назначение которых состоит в том, чтобы определенным образом квалифицировать участок культурного универсума.

Квалификация с необходимостью предполагает оценку обсуждаемого положения дел. Оценочная «упаковка» дескрипции требует сопутствующих иллокуций, которыми по определению становятся **экспрессивы**, соотносящие транслируемую информацию с эмоциональными переживаниями интерактантов. Отсюда проистекает дискурсивная значимость **прагмем** – слов, соединяющих предметность и оценочность (термин М. Н. Эпштейна). В качестве ключевых номинаций оценочные предикаты актуализируют модусы оценочного отношения к описываемым фактам и событиям.

Интеракции организуют обсуждение мира в диалоговом режиме. Диалог характеризуется разнообразием структурно- и смыслообразующих моделей. Прагматическая структура диалога отличается лабильностью: основная дискурсивная стратегия как оперативный механизм, высвечивающий «фокус» диалога, варьируется в зависимости от целей интеракции в каждом конкретном случае. Диалогический дискурс может представлять собой дисконтинуум, где наблюдаются разнонаправленные дистантные связи (Плотникова 2002).

Наррации рассматриваются как фундаментальная культурная деятельность. Они формируют способы видения мира и представлены в различных жанрах (Mc Carthy, Carter 1994; Schiffrin 1996; Ochs 1998). Наррации характеризуются линеарной структурой, в которой различные сегменты репрезентируют различные виды информации. Каждый сегмент выполняет собственную функцию внутри нарратива. Примечательно, что хотя информация может быть репрезентирована статически, предикат способен одновременно реализовывать значимость определенных событий для данного повествования (Schiffrin 1996).

Следовательно, концепцию адресанта можно определить как транслятора опыта переживания действительности с параллельной его оценкой, а концепцию адресата – как реципиента опыта. Основной дискурсивной стратегией становится стратегия (интер)субъективного переживания опыта, а ключевыми номинациями – акциональные предикаты, линеаризирующие интерсубъективно конструируемый опыт в параметрах его темпоральной организации.

Прескрипции оформляют дискурсивное пространство, сущность которого определяется процедурными характеристиками: адресату предписывается осуществить ряд процедур для достижения определенного результата.

Исходя из онтологических характеристик прескрипции, ее основной иллокуцией следует признать директив, т.е. предписывающий речевой акт. Сопутствующими иллокуциями в условиях прескрипции выступают ассертивы, специфицирующие директивы.

В прескрипциях адресант реализует концепцию предписывающего субъекта, а адресат – концепцию потенциального исполнителя прескрипции. Очевидно, что эти концепции имплицируют асимметричность опыта адресанта и адресата: адресант обладает более богатым опытом в объективируемой сфере деятельности. Статус ключевой принадлежит стратегии предписания, которая репрезентируется императивными предикатами.

Эволюционная составляющая определяет методологические основы для рассмотрения дискурсивного пространства в терминах исторической системы, содержательная сущность которой производна от содержания культурно-

исторических сценариев и специфики соотносимых с этими сценариями типов мышления.

В силу принципиальной связи исторических процессов с самосознанием (Лотман 2002), можно заключить, что этапы становления дискурсивного пространства с необходимостью коррелируют с этапами совершенствования менталитета личности, усложнения ее рефлексии и структуры. Эта корреляция имеет взаимонаправленный и взаимодетерминирующий характер. Языковая личность оформляет дискурсивное пространство в зависимости от типа социального сознания, которое проявляется по-разному в тот или иной период развития естественно-исторических процессов. Одновременно дискурсивное пространство моделирует языковую личность, конгруэнтную конкретной исторической эпохе.

Движущим фактором эволюционного развития дискурсивного пространства, равно как и эволюционного развития любого социального организма или явления, выступает кризис. На определенном этапе исторического развития социума прототипическая языковая личность оказывается неадекватной развивающейся социальной системе, сохранение внутренней непротиворечивости которой требует трансформации личности, т.е., по существу, создания новой личности, разрабатывающей новые способы форматирования информации в процессе социального взаимодействия. Содержанием кризиса становится рассогласование концептуализирующих систем. Локальное рассогласование концептуальных механизмов порождает противоречие и, как следствие, кризис глобальной системы – лингвокультурологической парадигмы. Роль кризиса как триггерного механизма, запускающего крупномасштабные парадигмальные изменения, исследована на примере научной парадигмы Т. Куном (2002).

Кризис инициирует смену культурно-исторического сценария, что с необходимостью видоизменяет идеологическое и лингвистическое оформление дискурсивного пространства: происходит дискурсивный сдвиг, который заключается в ротации центральных и периферийных элементов, а также в притяжении других элементов, принадлежащих другим областям знания. Кризис разрешается «изобретением» (термин И. В. Пешкова) – механизмом, гармонизирующим языковую личность и современную ей эпоху. Сложение векторов развития языковой личности и исторической эпохи перемоделирует пространство социального взаимодействия, которое обогащается новыми культурологическими фреймами и новыми параметрами языковой личности.

Теоретическое моделирование дискурсивного пространства «PLANNING» с позиции заявленного в настоящем исследовании интегративного подхода основывается на осмыслении целеориентированной деятельности как фундаментальной составляющей когниции и коммуникации. Дифференцированное рассмотрение конститутивной организации исследуемого феномена выявляет два параметрических корпуса, представляемых в виде **интегративной и эволюционной** модели.

Интегративная модель имеет вид многомерного образования и включает следующие измерения: культурологическое, психологическое, структурное, семиологическое и типологическое.

Культурологическое измерение инкорпорирует универсальные и идиотипические механизмы, оформляющие прототипические сценарии планирования (planning scripts) по принципу их конгруэнтности аксиологическим и эпистемологическим парадигмам, доминирующим в англоязычном социуме.

В рассматриваемом социуме культурный сценарий планирования переживается как поэтапное формирование деятельности, что обусловлено рационалистической парадигмой, в соответствии с которой прогрессивное развитие есть поэтапное (пошаговое) развитие. Отсюда проистекает категориальная значимость и системообразующая роль семантического параметра ПОШАГОВОСТЬ (ПОЭТАПНОСТЬ), объективируемого ключевой номинацией – лексемой STEP. Основным структурообразующим элементом становится синтаксический параллелизм, индицирующий алгоритм действий субъекта планирования. В соответствии с прототипическим сценарием дискурсивное пространство «PLANNING» оформляется по типу алгоритмического списка. Подтверждением этому служит следующий пример:

She slept little, for her mind was busy planning. **Step one** was to escape. **Step two** was to deal with Joe Romano, Perry Pope, Judge Henry Lawrence, and Anthony Orsatti. **Step** three was Charles. But that was too painful even to think about (Sheldon, p. 96; выделено нами – Н.К.).

Переживая свое будущее как последовательность целеориентированных действий, героиня ранжирует их в зависимости от степени их значимости. Каждый этап формирует факторную обусловленность следующего этапа. В данном контексте шаг описывается в терминах целевого действия, а именно конструируется итоговый образ, репрезентирующий желаемое для субъекта планирования состояние. Рекуррентное использование дискурсообразующей пропозиции параметризует это пространство в соответствии с такими характеристиками, как процедурность и проблематизированность. Потенциальность действий передается инфинитивами. На этом фоне диссонансом выглядит оформление последнего шага, где проблема объективируется именем собственным – Charles. Тем самым этот референт маркируется и «высвечивается» посредством синтаксической асимметрии. Суть проблемы выясняется в последующем контексте: рациональное сопрягается с эмоциональным.

Диалектическое взаимодействие рационального и эмоционального в семантике имени собственного наиболее полно и глубоко исследовано в русской философской традиции имяславия. Так, П. А. Флоренский настаивает на том, что в имени собственном должны укрепиться оба его начала, идущие одно от рассудка, другое от чувства (Флоренский 1990). Аналогично у А. Ф. Лосева: «В имени сходятся нити Логоса и Мифа, сосредоточиваются холодный расчет разума и горячий голос веры» (Лосев 1990).

Опираясь на современные нам представления, можно заключить, что использование имени собственного в абсолютизированной предикативной функции (ср. приведенный пример), дает возможность соединить внешнюю референцию с внутренним феноменологическим переживанием.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что процедурное пространство «PLANNING» может идеологизироваться в процессе социального взаимодействия, преобразуясь в идеологическое пространство.

Идеологический фон формируется **прототипическими ценностями**. Их активация насыщает дискурсивное пространство аксиологическими стратегиями, мотивирующими факторами, нравственно-ценностными идеологемами, аргументативными комбинациями.

В этом плане характерно дискурсивное пространство «PLANNING», представленное в следующем фрагменте дискурса.

New Businesses

We established a number of smaller new business units last year. American Express Financial Services Direct is a new unit that will provide a range of financial products directly to customers. This business will offer payment, credit, insurance and investment products, including some manufactured by AXP Advisors, through a variety of channels such as telephone, fax and personal computers – however and whenever our customers choose.

This business offers both a growth opportunity for us and a logical extension of the brand. Through its marketing efforts, we expect this business will help build AXP Advisors' client base as some customers determine they need a comprehensive financial plan and the advice of a personal financial advisor.

Financial Services Direct conducted product tests in several United States markets last year. It will begin offering a family of products this year.

We are also developing another new business that will offer a variety of financial services to employees at their places of work. Research indicates that employees appreciate receiving information about financial products and services at the workplace, and this represents an attractive opportunity for us.

During the year, we worked to define opportunities in this area. We intend to expand AXP Advisors' 401 (k) retirement and other benefit services to capture a greater share of these fast-growing markets. We will expand our Tax and Business Services business and the range of services we offer to small-business owners. We also intend to expand our Financial Education Services and Securities Services businesses (American Express Company Annual Report 1995, pp. 15–16).

Первая прототипическая ценность PROGRESS актуализируется в дискурсе благодаря его макроструктурным (главным образом – жанровым) характеристикам. Раздел годового отчета деловых организаций под названием **New Businesses** устойчиво соотносится с указанной ценностью по условиям соответствующего жанра. Подчеркнем, что необходимо различать в аналогичных контекстах дискурсивные условия актуализации PROGRESS, с одной стороны, и ACHIEVEMENT – с другой стороны. Характерным признаком первых являются комиссивы и гомеостатическая оценка, в то время как во вторых преобладают ассертивы и прототипическая оценка.

Вторая прототипическая ценность COMMITMENT, объединяющая участников речевого взаимодействия – компанию American Express и ее акционеров, детерминирует стратегию гарантированного исполнения взятых на себя

обязательств, заданных приверженностью ценности PROGRESS, и гарантом здесь выступает прагмоним – всемирно известный бренд.

На этой основе конструируется модель дискурса, где преобладают комиссивы, ключевое свойство которых состоит в том, чтобы обязывать адресанта к определенной линии поведения (Остин 1986). В условиях сосуществования с авторитетным именем комиссивы интерпретируются как гарантии успешной реализации новых проектов. Будучи символом авторитета, American Express Company обладает значительным количеством аксиологически сильных прецедентов, создающих образ социально-ответственной компании, идеологии которой может быть выражена формульным высказыванием «My word is my bond».

Стратегия принятия обязательств и обеспечения гарантий их исполнения реализуется в условиях дискурса, имеющего многомерный характер. Обнаруживается сочетание ретроспективной и проспективной точек зрения: описание предшествующей деятельности прогнозирует успешность будущего положения дел.

В терминах аксиологической теории Хэара-Баранова аналогичные контексты следует рассматривать как диалектическое взаимодействие прототипической и гомеостатической оценок (Хэар 1985, Баранов 1989). Его сущность, равно как и основу ретроспективно-проспективной модели, составляет идея **прогресса** как вектора, направленного из прошлого в будущее.

Нельзя упустить из виду еще одно обстоятельство, характерное, на наш взгляд, для институционального дискурса. На макроструктурном уровне здесь актуализируется прототипическая ценность неагентивного свойства, определяющая желательное положение дел в культуре (PROGRESS). Актуализация ценности COMMITMENT опосредована конкретными единицами и структурами языка, в частности, глаголами планирования и комиссивными речевыми актами. Подобное иерархическое ранжирование средств актуализации дает комплексную аксиологическую характеристику COMMITMENT to PROGRESS, которая очевидным образом полагается в основу стратегической иллокутивной цели анализируемого фрагмента дискурса. Как показывает анализ институциональных образцов дискурсивного пространства «PLANNING», такая организационная модель является для них наиболее характерной.

Психологическое измерение экспонирует человека планирующего на основании исчисления его личностных индексов. В ходе исследования выявлены три ипостаси рассматриваемого феномена: а) человек декларирующий; б) человек программирующий и в) человек моделирующий. В дискурсе человека планирующего выделяются типологические черты, свойственные всем психолингвистическим типам субъекта планирования.

Первая черта относится к особенностям аксиологической организации дискурса и проявляется в последовательной актуализации ценностей на макро- и микроуровнях дискурса. Так, ценность PROGRESS выдвигается в дискурсе человека декларирующего на уровне макроструктуры, в то время как ценности KNOWLEDGE & COMPETENCE актуализированы на уровне микроструктур. В результате закладывается содержательная основа стратегической иллокуции KNOWLEDGE & COMPETENCE FOR PROGRESS. В дискурсе человека программирующего меняется

макроструктурная ценность: судя по показателям интенциональности, это – EFFICIENCY; на уровне микроструктур актуализированы те же самые KNOWLEDGE & COMPETENCE. Подчеркнем, что содержательная основа стратегической иллокуции KNOWLEDGE & COMPETENCE FOR EFFICIENCY обусловливает приоритет программирующих речевых действий (напротив, декларативная сущность предыдущей иллокуции предопределена абстрактной семантикой PROGRESS). Наконец, дискурс человека моделирующего на макроуровне опирается на ценность ADVENTURE. Ценности EXPERIENCE & COMPETENCE актуализируются на частных уровнях дискурса; содержательная основа стратегической иллокуции – EXPERIENCE & COMPETENCE FOR ADVENTURE.

Очевидно, что стратегические иллокуции всех разновидностей дискурса человека планирующего восходят к принципу рациональности (RATIONAL THINKING), полагающему главное условие аргументации в англо-американской культуре. На данную особенность дискурса указывает также характер связи между прототипическими ценностями, отраженной в содержательных формулировках стратегических иллокуций (см. выше). Это – вторая типологическая черта, объединяющая психологические разновидности дискурса человека планирующего.

Наконец, третья типологическая черта состоит в ретроспективно-проспективной организации дискурса. Как отмечалось выше, такая организация дает эффективное взаимодействие гомеостатической и прототипической оценок. Содержательная основа ретроспективно-проспективной структуры, как видно из анализа эмпирического материала, может быть выражена как а) в дискурсе человека декларирующего – «решенные проблемы vs. нерешенные проблемы»; б) в дискурсе человека программирующего – «опыт vs. рекомендации»; в) в дискурсе человека моделирующего – «опыт vs. проектное предложение».

Семиологическое измерение формируется посредством конструктивной деятельности семиологических механизмов, продуцирующих культурологически опознаваемые смыслы. Последние обогащают исходную процедурную матрицу, придавая ей облик многоцветной смысловой палитры. Эти механизмы производны от базового регулятивного устройства – прототипической пропозиции, которая имеет вид «I plan to do sth». Данная пропозиция приобретает статус прототипической ввиду ее непосредственной связи с базовым концептом PLAN и благодаря наличию в ее составе прототипического предиката планирования.

Структурное измерение содержит структурирующие механизмы, порождающие конститутивные пространства в режиме актуализационного сопряжения разностатусных значимостей. Такими механизмами признаются КОНЦЕПТ, КАТЕГОРИЯ, АКСИОЛОГЕМА, СТРАТЕГЕМА, НОМИНАЦИЯ. Обеспечивая структурную целостность дискурсивного пространства «PLANNING», обозначенные выше механизмы сегментируют данное пространство в зависимости от инструментального обеспечения порождаемого дискурса, координируют симультанную актуализацию дискурсообразующих факторов, механизмов и процессов и проектируют конфигуративные сочетания дискурсивных реализаций.

Проанализируем модели актуализации структурирующих механизмов на примере стратегемы презентации. Необходимо подчеркнуть, что фокус

канонической стратегии презентации последовательно перемещается по всем основным временным рамкам дискурсивного пространства. Такое перемещение не является произвольным, как и долженствует из понятия «стратегия». Аксиологические приоритеты стратегемы очевидны, поэтому возможно ее описание с применением инструментария, разработанного А. Н. Барановым (Баранов 1989). Примечательно, что границы перемещения фокуса, как правило, совпадают с границами абзаца. Это существенно облегчает поэтапное описание контекстов, эксплицирующих стратегему. Приведем пример.

Funding initiatives

(1) On the administrative front, this year saw the final meeting of the Vision Research Working Party. (2) Established in 1984, the Working Party was part of an initiative to stimulate research in vision (hearing was later added to its remit) and to encourage ophthalmologists to undertake some research alongside their clinical activities. (1') So successful has been this initiative that ophthalmologists are now more than able to compete with their peers from other disciplines, and vision-related applications are now handled by general Trust schemes.

В первом абзаце реализация стратегемы протекает в своего рода рамочном отношении высказываний: фокус перемещается из настоящего (1) в прошлое (2) и возвращается в настоящее, высвечивая иное событие (1'). Такая динамика подпадает под определение прототипической оценки (Баранов 1989). Сущность последней выражается аксиологическим содержанием понятий «прогресс» (+) и «упадок» (–). В рассматриваемом контексте положительная динамика прототипической оценки номинализована (SUCCESSFUL; MORE THAN ABLE TO COMPETE), что, по нашим наблюдениям, весьма типично для стратегемы презентации.

(1) As an independent funding agency, the Wellcome Trust can act flexibly to encourage adventurous research proposals, which tend not to fare well in traditional systems of peer review. (2) The Sir Henry Wellcome Commemorative Awards for Innovative Research ('Showcase') scheme was established to fund 'risky, innovative, speculative, adventurous and novel' research. A review of the scheme revealed that Showcase grants were indeed significantly more innovative than traditional project grants; (1') the scheme has now been enhanced , providing up to £75000 for 18 months with (3) the possibility of extensions for successful projects.

Здесь в целом воспроизведены контуры прототипической оценки, отмеченные в первом абзаце. Тем не менее, развитие всеобщей стратегемы налицо. В первую очередь оно обеспечено введением в аксиологический контекст номинации SCHEME: формируется включенная прототипическая оценка: (SHOWCASE) SCHEME IS BETTER THAN TRADITIONAL PROJECT GRANTS. Противопоставление SCHEME VS. PROJECTS в заключительной части высказывания преобразуется в аксиологическое отношение (3), известное как гомеостатическая оценка (Баранов 1989). Квалификационный ориентир последней – цель, достижение которой планируется в будущем.

(1) Another example of the Trust's flexible approach to funding is the Matching Funding Agreement with the Irish Government. (2) The agreement provided an additional £2 million per annum for biomedical research in the Republic of Ireland, half from the

Trust and half from the Irish Government. (3) The principal aim has been to help build upon the existing Irish biomedical science base, principally by providing promising researchers with the funds to help them establish their own research laboratories. (1') Key to the Wellcome Trust's contribution was the award of three 'New Blood' Fellowships, which (3) will create three new permanent positions in the Irish university system.

В третьем абзаце наблюдается близкое к оптимальному перемещение фокуса, развивающее стратегему презентации. Последовательно оформляются все три временных параметра дискурсивного пространства, после чего настоящее уплотняется еще одной номинацией, усиливающей целевую гомеостатическую оценку.

В заключительном абзаце аксиологические отношения, развивающие стратегему, аналогичны отмеченным нами во втором абзаце, но здесь более ощутим акцент на гомеостатическую оценку.

(1) With the advent of new technologies, that field of bioarchaeology has begun to emerge as a new science bridging biology and archaeology. (2) In 1997/98, administration of this programme, which provides studentships and postdoctoral research fellowships, transferred from history of medicine to biomedical research funding. (1') Though the projects funded are dedicated to understanding the past, (3) many are also likely to throw new light on diseases of the present (The Wellcome Trust Annual Record 1997/98, pp. 11–12).

Таким образом, структура стратегемы весьма сложна и опирается на компоненты разных уровней и порядков. Тем не менее, условие их стратегического единства предопределяет такое их взаимодействие, при котором оптимизируется их вклад в выполнение коммуникативного задания презентации.

Типологическое измерение эксплицирует типологические форматы креативно-проспективной деятельности, идентифицируемые с учетом многофакторного обеспечения содержания этой деятельности.

Эволюция исследуемого дискурсивного пространства производна от эволюции дискурсообразующего концепта **PLAN**, представляемой в терминах эволюционного семиотического ряда PLAN = INTENTION (культурно-исторический сценарий Просвещения) → PLAN = PROGRAMME (культурно-исторический сценарий индустриализации) → PLAN = PROJECT (культурно-исторический сценарий модернизации) → PLAN = STRATEGIC INTENTION (культурно-исторический сценарий глобализации). Специфика историко-культурного осмысления дискурсообразующего концепта детерминируется параметрами исторического-культурного контекста.

Рассмотрим культурно-исторический сценарий Просвещения.

Термин «Просвещение» обычно используют в ситуациях, ориентированных на определение социальных и социально-экономических характеристик эпохи. В исследованиях, в центре которых находятся культурно-исторические и философские категории, также используются термины «классическая эпоха» и «классицизм» (Фуко 1994; Батай 1994).

Глубокий и всесторонний анализ эпохи с точки зрения эволюции дает М. Фуко (1994). По мнению французского исследователя, имя — центр всеобщей таксономии представления в эпоху классицизма, в то время как глагол мыслится как

основание дискурсии, т.е. генезиса. Принимая это положение в качестве ключевого, рассмотрим текст известного проекта Олбани, принятого представителями североамериканских колоний в 1754 году.

Albany Plan of Union

It is proposed that humble application be made for an act of Parliament of Great Britain, by virtue of which one general government may be formed in America, including all the said colonies, within and under which government each colony may retain its present constitution, except in the particulars wherein a change may be directed by the said act, as hereafter follows.

Это – преамбула документа, в которой пока нет ключевого, связывающего дискурс имени, но есть начальная дескрипция **ONE GENERAL GOVERNMENT**, определяющая, как будет видно ниже, магистральное направление категоризации и основные стратегии дискурса. Здесь же определяется отношение **GOVERNMENT – COLONIES**; именно это отношение предопределяет характер основных глагольных конфигураций в высказывании.

1. That the said general government be administered by a President-General, to be appointed and supported by the crown; and a Grand Council, to be chosen by the representatives of the people of the several Colonies met in their respective assemblies.

Весьма важный этап развертывания стратегической интенции, невзирая на сравнительно небольшой объем высказывания. Вводятся ключевые имена President-Government и Grand Council, вокруг которых будет разворачиваться таксономия представления всецелого содержания, являющего предмет и цель коммуникации. Далее стратегия развертывания дискурса сводится к представлению отдельных таксонов имени **GRAND COUNCIL**.

2. That within – months after the passing such act, the House of Representatives that happen to be sitting within that time, or that shall be especially for that purpose convened, may and shall choose members for the Grand Council, in the following proportion, that is to say,

Massachusetts Bay	7
New Hampshire	2
Connecticut	5
Rhode Island	2
New York	4
New Jersey	3
Pennsylvania	6
Maryland	4
Virginia	7
North Carolina	4
South Carolina	4
	48

Раскрывается конкретное содержание основного статутного признака имени **COUNCIL** – a group of people appointed or elected to make laws, rules, or decisions, or to give advice (Longman Dictionary of English Language and Culture 2000).

Коллективно-собирательное значение получает количественную оценку и, таким образом, интенция уточняется по референтным значениям в Мире Действия.

Далее признаки имени конкретизируются по параметрам, которые в совокупности должны исчерпать все имеющие отношение к стратегической интенции коммуникативно-содержательные ниши.

3. – who shall meet for the first time at the city of Philadelphia, being called by the President-General as soon as conveniently may be after the appointment.

Описываются условия первого прецедента связи имени и действия по основным параметрам ситуации.

4. That there shall be a new election of the members of the Grand Council every three years; and, on the death or resignation of any member, his place should be supplied by a new choice at the next sitting of the Assembly of the Colony he represented.

Продолжается развертывание временно́го контекста, в котором обусловлено взаимодействие имени и мира, слова и действия.

5. That after the first three years, when the proportion of money arising out of each Colony to the general treasury can be known, the number of members to be chosen for each Colony shall, from time to time, in all ensuing elections, be regulated by that proportion, yet so as that the number to be chosen by any one Province be not more than seven, nor less than two.

Очередной признак знаменателен (**MONEY**). Он не входит в конвенциональное содержание имени **COUNCIL**, но по условиям интенции оказывается необходимым дополнением к этому содержанию. Можно предположить, что если проект Олбани был бы осуществлен, дескрипция the **GRAND COUNCIL MEMBERSHIP PROPORTIONS DEPEND ON A FINANCIAL CONTRIBUTION FROM EACH COLONY** стала бы одной из непреходящих характеристик имени.

6. That the Grand Council shall meet once in every year, and oftener if occasion require, at such time and place as they shall adjourn to at the last preceding meeting , or as they shall be called to meet at by the President-General on any emergency; he having first obtained in writing the consent of seven of the members to such call and sent duly and timely notice to the whole.

7. That the Grand Council have power to choose their speaker; and shall neither be dissolved, prorogued, nor continued sitting longer than six weeks at one time, without their own consent or the special command of the crown.

8. That the members of the Grand Council shall be allowed for their service ten shillings sterling per diem, during their session and journey to and from the place of meeting; twenty miles to be reckoned a day's journey.

9. That the assent of the President-General be requisite to all acts of the Grand Council, and that it be his office and duty to cause them to be carried into execution.

В пунктах 6–9 продолжается аналогичное описание условий работы Большого Совета: каждый пункт описания репрезентирует признак, являющийся очередным вкладом в развертывание стратегической интенции дискурса. Эта динамика организуется вокруг имен **PRESIDENT-GENERAL** и **GRAND COUNCIL** таким образом, чтобы исчерпать всю релевантную задачам коммуникантов таксономию содержания имен.

Целесообразно завершить анализ пунктами 10 и 11, в которых интенция разворачивается чисто по условиям и историческим особенностям 1750-х для североамериканских колоний. Это были годы напряженного противостояния колоний ирокезам, что не могло не найти выражения в интенциональной структуре документа.

10. That the President-General, with the advice of the Grand Council, hold or direct all Indian treaties, in which the general interest of the Colonies may be concerned; and make peace or declare war with Indian nations.

11. That they make such laws as they judge necessary for regulating all Indian trade (Basic Readings in US. Democracy, pp. 17–19).

Второй пример взят из художественно-литературного произведения, где дискурс планирования осложнен специфическими особенностями точек зрения автора и героя. Тем не менее, последовательное развертывание интенции весьма напоминает – по основным этапам – рассмотренную выше стратегию.

Героиня Дж. Остин вынуждена сменить место проживания в связи со смертью мужа. Дом, куда она и ее дочери переехали, не совсем нравится ей: он мал и не очень удачно спланирован. Она намеревается перестроить дом с тем, чтобы сделать его более комфортным.

With the size and furniture of the house Mrs. Dashwood was upon the whole well satisfied; for though her former style of life rendered many additions to the latter indispensable, yet to add and improve was a delight to her; and she had at this time ready money enough to supply all that was wanted of greater elegance to the apartments. (1) «As for the house itself, to be sure,' said she, 'it is too small for our family; but we will make ourselves tolerably comfortable for the present, as it is too late in the year for improvements. Perhaps in the spring if I have plenty of money, as I dare say I shall, we may think about building. These parlours are both too small for such parties of our friends as I hope to see often collected here; (2) and I have some thoughts of throwing the passage into one of them, with perhaps a part of the other, and so leave the remainder of that for an entrance; this, with a new drawing-room, which may be easily added, and a bed chamber and garret above, will make it a very snug little cottage. (3) I could wish the stairs were handsome. But one must not expect everything; though I suppose it would be no difficult matter to widen them. I shall see how much I am beforehand with the world in the spring, and we will plan our improvements accordingly' (Austen, p. 27).

Снова все начинается с преамбулы (1), и снова стратегическая интенция задана дескрипцией **(ADD & IMPROVE)**. В отличие от первого примера фокус оказывается на глагольной конструкции. Очевидно, это допустимая диалектическая альтернатива развертывания интенции. Во всяком случае, уже следующее высказывание очевидным образом связывается именем **HOUSE**.

Далее следует классическое развитие интенционала имени **HOUSE**: опираясь на заявленную в преамбуле интенцию, адресант разворачивает соответствующий дискурс планирования. При этом **SMALL** не только выступает в качестве ключевого предиката, очерчивающего интенционал имени, но также точкой отсчета гомеостатической оценки; с последней связана часть плана, касающаяся желаемого положения дел в будущем. Отметим также номинацию **IMPROVEMENTS**: она –

опять-таки на уровне имени! – повторяет заявленную в преамбуле интенцию **(IMPROVE)**.

Примечательно, что дискурсивный смысл глагола в составе интенции – **ADD** – разворачивается в последующем высказывании (2) целым рядом имен и именных словосочетаний: a new drawing-room, a bed chamber and garret above, the passage into one of them и т.д.

Таким образом, перед нами типичный пример диалектики имени и глагола, характерной, как утверждает М. Фуко, для парадигмы Просвещения. Таксономия имени разворачивается на фоне интенции, заданной глаголом. В условиях дискурса планирования такое развитие содержания опосредовано взаимодействием прототипической и гомеостатической оценок. Заключительные высказывания (3), как правило, выполняются преимущественно под знаком гомеостатической оценки. В этом отношении рассматриваемый пример аналогичен проанализированному выше.

Таксономия имени **HOUSE** пройдена в дискурсе планирования в строгом порядке – от наиболее общих и существенных признаков (размер и планировка дома) до частных деталей (эстетические качества лестницы). Нетрудно заключить, что аналогичная таксономическая проработка характерна для имени **GRAND COUNCIL** в предыдущем примере (от планирования общего состава совета до его полномочий в переговорах с индейцами).

Рассмотрение других культурно-исторических сценариев показывает, что эволюционное развитие дискурсивного пространства «PLANNING» имеет вид обогащения исходной процедурной матрицы исторически прогрессивными смыслами и регулируется принципом парадигматической согласованности структуры языковой личности и исторической эпохи.

Методологическое обоснование дискурсивной составляющей языковой картины мира открывает перспективы для интегрированного изучения структур и событий знания в плане их лингвистической репрезентации и очерчивает спектр исследований, направленных на выявление содержательной сущности и системообразующих потенций разностатусных компонентов языковой картины мира.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Казыдуб, Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель) [Текст]: монография / Н. Н. Казыдуб. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2006. – 216 с. (13, 5 п.л.).

2. Казыдуб, Н. Н. Интенциональные предикаты со значением попытки [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Системный анализ простого и сложного предложения: межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1990. – С. 25–32 (0,5 п.л.)

3. Казыдуб, Н. Н. К проблеме семантической классификации глаголов [Текст] / Н. Н. Казыдуб; Российск. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена. – Л., 1991. – 10 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 28. 02. 91, № 41715. – (0,6 п.л.).

4. Казыдуб, Н. Н. Комбинаторика функторного и пропозиционного предикатов в рамках бипредиката (на материале интенциональных глаголов) [Текст]

/ Н. Н. Казыдуб; Российск. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Л., 1991. – 21 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 06. 06. 91, № 60691. – (1,3 п.л.).

5. Казыдуб, Н. Н. Интенциональные глаголы (семантика, парадигматика, синтагматика) [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Системный анализ простого и сложного предложения в синхронии и диахронии: межвузовский сборник научных трудов. – Л.,1991. – С. 60–69 (0,6 п.л.).

6. Казыдуб, Н. Н. Интенциональные глаголы: семантика и функционирование [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Исследования по семантике и прагматике текста и высказывания: тезисы докладов межвузовской научной конференции молодых ученых 15–18 января 1992 г. – Иркутск, 1991. – С. 28–30 (0,1 п.л.).

7. Казыдуб, Н. Н. Взаимодействие категориального значения интенциональных глаголов с категориальными значениями видо-временных форм [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Категориально-формальный и функционально-прагматический аспекты языка: межвузовский сборник научных трудов. – СПб., 1993. – С. 26–34 (0,6 п.л.).

8. Казыдуб, Н. Н. Функциональная категоризация интенциональных глаголов [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Язык в эпоху знаковой культуры: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Иркутск, 17–20 сентября 1996 г.). – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического института иностранных языков, 1996. – С. 52–53 (0,1 п.л.).

9. Казыдуб, Н. Н. О категориальном значении интенциональности (на материале английских глаголов) [Текст] / Н. Н. Казыдуб; Иркутск. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 1997. – 9 с. – Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 30. 09. 97, № 52960. – (0,6 п.л.).

10. Казыдуб, Н. Н. English Verbals Through Practice: Структуры с неличными формами глагола в современном английском языке. Часть 1. Герундий: учебно-методическое пособие для лингвистических университетов и факультетов иностранных языков [Текст] / Н. Н. Казыдуб, Т. И. Семенова, И. А. Волосян. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 1997. – 33 с. (2 п.л.).

11. Казыдуб, Н. Н. О категории интенциональности (на материале английских глаголов) [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Иркутского государственного лингвистического университета (Иркутск, 15–17 сентября 1998 г.). – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 1998. – С. 67–68 (0,1 п.л.).

12. Казыдуб, Н. Н. Конструкции с интенциональными глаголами: [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Глубинные аспекты языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 1998. – С. 64–71 (0,5 п.л.).

13. Казыдуб, Н. Н. О функциональном подходе к обучению грамматике [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: тезисы докладов и сообщений IV международной научно-практической конференции

(Иркутск, 21–24 июня 1999 г.). – Иркутск: Изд-во Иркутской государственной экономической академии, 1999. – С. 154–155 (0,1 п.л.).

14. Казыдуб, Н. Н. О категоризации значения планирования в глагольной системе английского языка [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Языковая онтология семантически малых и объемных форм: Вестник ИГЛУ. Серия Лингвистика. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000. – Вып. 1. – С. 62–67 (0,3 п.л.).

15. Казыдуб, Н. Н. Глаголы планирования в современном английском языке [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация: материалы международной научной конференции (Иркутск, 19–21 апреля 2000 г.). – Иркутск: Изд–во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000. – С. 60–61 (0,1 п.л.).

16. Казыдуб, Н. Н. Планирование: категориальный и функциональный аспекты [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Вопросы языковой политики и языкового планирования в условиях информационного общества: тезисы докладов международной научной конференции (Иркутск, 11 июня 2001 г., Улан-Удэ, 13–14 июня 2001 г.). – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2001. – С. 52–55 (0,2 п.л.).

17. Казыдуб, Н. Н. Концептуальная модель планирования: к постановке проблемы [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке (традиции, инновации, перспективы): материалы международной конференции (Иркутск, 23 -25 сентября 2002 г.). – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2002. – С. 86–90 (0,3 п.л.).

18. Казыдуб, Н. Н. О концепте «ПЛАНИРОВАНИЕ» (на материале английского языка) [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Языковые явления в исторической ретроспективе и перспективе: эпистемология, диахрония, типология: Вестник ИГЛУ. Серия Лингвистика. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2002. – № 4. – С. 76–82 (0,4 п.л.).

19. Казыдуб, Н. Н. Типология дискурсивного пространства «PLANNING» [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы региональной научной конференции 8–9 октября 2003 г. – Вып. 7: В 2-х ч. – Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2003. – Ч. 1. – С. 155–158 (0,2 п.л.).

20. Казыдуб, Н. Н. Дискурсивное пространство «PLANNING»: этнокультурная интерпретация [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Языковые и культурные контакты различных народов: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2003. – С. 112–114 (0,2 п.л.).

21. Казыдуб, Н. Н. К проблеме моделирования дискурсивного пространства [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Полифония образования и англистика в мультикультурном мире: тезисы Первой международной конференции Ассоциации англоведов и преподавателей английского языка 25–26 ноября 2003 г. – М.: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 2003. – С. 47–48 (0,1 п.л.).

22. Казыдуб, Н. Н. О моделировании психотерапевтического дискурсивного пространства: нейро-лингвистическое программирование [Текст] / Н. Н. Казыдуб, С. В. Швецова // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. – Иркутск: РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2003. – № 3. – С. 204–206 (0,4 п.л.).

23. Казыдуб, Н. Н. Три фактора стратегии аргументации в дискурсивном пространстве «PLANNING» [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации: Вестник ИГЛУ. Серия Лингвистика. Вып. 2. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2003. – № 2. – С. 65–71 (0,4 п.л.).

24. Казыдуб, Н. Н. Опыт структурирования концептуального пространства «PLANNING» [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Концепт и культура: материалы международной научной конференции (Кемерово, 30 сентября 2003 г.). – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 102–108 (0,4 п.л.).

25. Казыдуб, Н. Н. Прагматика планирования (на материале английского языка) [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Современные проблемы взаимодействия языков и культур: материалы научно-практической конференции. – Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2003. – С. 77–78 (0,1 п.л.).

26. Казыдуб, Н. Н. Человек планирующий в англоязычном социуме [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Антропологическая лингвистика: Вестник ИГЛУ. Серия Антропологическая лингвистика. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2004. – № 7. – С. 40–49 (0,6 п.л.).

27. Казыдуб, Н. Н. Дискурс планирования в современном английском языке [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Германистика в России. Традиции и перспективы: тезисы научно-методического семинара / Новосиб. гос. ун-т, Новосиб. гос. пед. ун-т, Институт языкознания РАН. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2004. – С. 164–167 (0,2 п.л.).

28. Казыдуб, Н. Н. Коммуникативная парадигма как отражение национального менталитета [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Взаимодействие направлений в современной лингвистике: сборник материалов конференции. – Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 2005. – С. 43–47 (0,3 п.л.).

29. Казыдуб, Н. Н. Ценность как основа стратегии в дискурсе планирования (на материале английского языка) [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: материалы 8-го регионального семинара. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2005. – С. 106–113 (0,5 п.л.).

30. Казыдуб, Н. Н. Полифункциональность тропов в дискурсивных системах [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Стилистика и теория языковой коммуникации: тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И. Р. Гальперина 20–21 апреля 2005 г. – М.: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 2005. – С. 237–238 (0,1 п.л.).

31. Казыдуб, Н. Н. Стратагемы планирования в англоязычном медицинском дискурсе [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Бюллетень Восточно-Сибирского научного

центра СО РАМН. – Иркутск: РИО ГУ НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2005. – № 2 (40). – С. 244–248 (0,5 п.л.).

32. Казыдуб, Н. Н. Когнитивно-дискурсивное осмысление фрагмента англоязычной картины мира [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.2. Текст и перевод в когнитивном аспекте: сборник статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 54–64 (0,7 п.л.).

33. Казыдуб, Н. Н. Концептуальные основы моделирования дискурсивного пространства [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2005. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 32–35 (0,5 п.л.).

34. Казыдуб, Н. Н. Категориальная полифония дискурсивного пространства [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. Серия Лингвистика. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2005. – № 3. – С. 63–74 (0,7 п.л.).

35. Казыдуб, Н. Н. О номинативном аспекте планирования [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. Серия Лингвистика. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2006. – № 5. – С. 47–54 (0,5 п.л.).

36. Казыдуб, Н. Н. Триадическое осмысление категориального пространства дискурса [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XI международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–16 июня 2006 г. – Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права, 2006. – С. 242–245 (0,2 п.л.).

37. Казыдуб, Н. Н. Когнитивная семантика планирования [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Вестник Бурятского государственного университета. Серия 14: Романо-германская филология. – Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2006. – С. 52–60 (0,5 п.л.).

38. Казыдуб, Н. Н. Дискурсивные матрицы в методологии лингвистической науки [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2006. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 177–185 (0,9 п.л.).

39. Казыдуб, Н. Н. Лингвокогнитивный сценарий как метод моделирования языковой картины мира [Текст] / Н. Н. Казыдуб // Проблемы концептуальной систематики языка и речевой деятельности: материалы IX-го Регионального научного семинара. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2006. – С. 73–79 (0,4 п.л.).